

Aleksiej Dmitrowskij

Славянская идея : жанр политического послания в лирике Тютчева

Acta Polono-Ruthenica 1, 15-21

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

I. ZWIĄZKI LITERACKIE

Aleksiej Dmitrowskij
Kaliningrad

Славянская идея: жанр политического послания в лирике Тютчева

Идея общеславянского братства и осознание драмы нашего разъединения составляли животворное начало всех славянских литератур, причем в 19 веке, несмотря на тяжкие повороты в наших взаимных судьбах, обозначилась идея общеславянского Возрождения, провозвестниками которой стали Пушкин, Мицкевич, Ганка, Караджич, Таблиц, Водник, Негош. В русской поэзии Тютчев составил второй этап развития общеславянской идеи, которая нашла выражение в жанре лирико-политического послания. Так сложился цикл из десяти стихотворений, которые охватили почти сорокалетие напряженных внутриславянских исканий. Они составляют три тематических группы. Это польские послания: *Как дочь родную на закланье* - 1831, *Epitre à l'apotre* (послание к Мицкевичу) - 1842, *Тогда лишь в полном торжестве* - 1850. Чешские послания: *К Ганке* - 1841, *Чехам от московских славян* - 1869, *Гус на костре* - 1870. Общеславянские послания: *Пророчество* - 1854, два стихотворения *Славянам* - 1867 и стихотворение *Два единства* - 1870 года.

Прослеживается также деление этих стихов по свойствам их адресности. Так, стихи к Ганке и к Мицкевичу - это личные послания призывной императивности, четыре послания, обращенные к славянам и чехам, - стихи обобщенной адресности и проповеднической императивности, выступающей в словесно-синтаксической структуре ораторских речей, и, наконец, *Как дочь родную*, *Тогда лишь в полном*, *Пророчество* и *Два единства* характеризуются

рефлексивной адресностью (обращением к себе и к истории) и пророческой императивностью. Здесь, в последнем случае, конкретная поэтика посланий отступает на второй план, поэт в самом жанре послания как бы выходит за его пределы.

Исследователи не жалуют вниманием политическую лирику Тютчева. Но, отвергая как абстрактно-вкусовые, так и односторонние идеологические приговоры, мы убеждаемся, что все эти послания составляют, по классификации Г.Н. Поспелова,¹ типичную лирику мысли, лирику отвлеченной медитации, национально-исторической проблематики и высокого романтического пафоса гражданской направленности с неизменным проецированием идеала общеславянского будущего. Мы убеждаемся также и в том, что фактически весь этот цикл образуют „стихи на случай”, которые были написаны по поводу личных или общественных событий и имели конкретное назначение. Например, запись в альбоме Ганки, личное письмо Мицкевичу, выступления на различных собраниях славянской общности. Эти стихи, отличающиеся высокой степенью рационалистичности в композиции и словесно-смысловых значениях, имели четко выраженный программный характер и строились по принципу поэтики агитационно-массового восприятия, в связи с этим для современного читателя они приобретают не столько экзистенциальное, сколько научно-познавательное значение. Мы реставрируем общеславянские умонастроения прошлого века в их наиболее активных жанровых предпочтениях, каковым является послание, идущее как бы от сердца к сердцу и предполагающее ответный эмоционально-волевой акт, и актуализируем их в обесславянском самосознании на исходе второго тысячелетия после Р.Х., убеждаясь одновременно в их исторической жизненности.

Прослеживаются также различия в проблематике польских и чешских посланий Тютчева, что определялось разностью исторически складывавшихся русско-польских и русско-чешских отношений. В польских посланиях акцентирована философско-историческая и политическая проблематика, исполненная драматизма, в чешских - философско-духовная и более созерцательная по пафосу. Однако послания к Ганке и к Мицкевичу составляют двуединый поэ-

¹ Г.Н. Поспелов, *Лирика*, Москва 1976, с. 62-99.

тический апофеоз лидеров общеславянского движения. По той же классификации Г. Н. Поспелова, это стихи персонажные, поскольку в них вместе с развитием мысли, составляющей предмет послания, присутствуют образы адресатов, типизированные в утверждаемой общеславянской идее, при этом интересно, что они оба выступают в одной и той же поэтической философии света. Ганка - это „доблий [доблестный. - А.Д.] муж”, который „рукою скромной засветил маяк впотьмах”, а деятельность Мицкевича выступает даже в приеме словесно-образного повтора: „Мы чуем приближенье света” и „Мы чуем свет”.

Послание *К Ганке* содержит, как в зерне, концепцию тютчевского Всеславянства. Поэтическая и философско-историческая мысль автора разомкнута в прошлое и будущее братских народов. Десять катренов основного корпуса стихотворения делятся пополам, где первые пять составляют медитацию драматического прошлого, когда „кровь не раз лилась рекою, меч терзал родную грудь”, а последующие пять образуют лирическую картину славянского Возрождения. Говоря о Славянской земле (именно с заглавной буквы), поэт очерчивает ее географическое пространство во все стороны света: „От Невы до Черногорья. От Карпатов за Урал”, - а в жанровом отношении здесь проступают черты общеславянского гимна, как в девятой строфе:

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил! (143)²

В послании к Мицкевичу утверждающая персонажная функция жанра возрастает, о чем свидетельствует французское заглавие *Послание к апостолу* и система образов Ветхого и Нового завета, в которой осмысливается общеславянская деятельность адресата. Основания для этой высшей лирико-политической оценки мы находим в самооценке Мицкевича, высказанной в заключении первой же лекции о славянских литературах, которая была прочитана в Collège

² Стихи приводятся по изд.: Ф.И. Тютчев, *Полное собрание стихотворений*, Ленинград 1987 - с указанием страниц в тексте.

de France 22 декабря 1840 года: „Итак, господа, в стенах этого зала я стремлюсь увидеть символ нашего будущего единения”.³

Это послание воспринимается в прямой связи с двумя стихотворениями Пушкина. Прослеживается реминисценция из стихотворения *Пророк*, отражающая общую для трех поэтов парадигму общественной роли поэзии, и непреднамеренное, но тем более показательное развитие мысли стихотворения *Он между нами жил*. Тютчев подтверждал и развивал свидетельство Пушкина: „Он говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся”. Одновременно, как бы в развитие пушкинской мысли, выраженной в молитвенной форме: „Боже! освяти в нем сердце правдою твоей и миром”, - Тютчев писал:

Бог победил - прозрели вежды.
Ты был поэт - ты стал пророк. (149)

Чешские послания Тютчева свидетельствовали об обращении к философской и культурологической символике и усложнении жанровой структуры. Так, в стихотворении *Чехам от московских славян* приводится чешский национальный символ-эмблема Чаши, а стихотворение *Гус на костре* строится в двойном жанре, где первые восемь строф составляют рассказ-описание в предельной степени зрительной пластики, а две заключительные - собственно послание, причем подвиг Яна Гуса и его мученическая смерть, вынесенные в заглавие, возвышаются до общеславянского символа, в котором проступает пафос распятия, как осознанного приятия смерти во имя бессмертия духовного дела, о чем говорится в форме прямого обращения-речи с использованием средств императивной тональности:

О чешский край! О род единокровный!
Не отвергай наследья своего!
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество! (253-254)

Политик и дипломат, человек общеевропейского мышления

³ А. Мицкевич, *Собрание сочинений: В 5-ти т.*, т. 4, Москва 1954, с. 134.

и глубинного русского самосознания, Тютчев понимал трудности путей славянского Возрождения.

Не тронуто Косово поле,
Не скрыта Белая гора! (234)

- напоминал он в первом общеславянском послании два трагических названия символа в славянской истории, и тем более трагедийной становится тональность его дополнительных строф к посланию Ганке, написанных 26 лет спустя, - особенно во втором автографе:

Все упорнее усилъя,
Все безвыходнее зло. (321)

Здесь Тютчев особые надежды возлагал на свою страну, однако прозрение ее спасительной роли, которая в полной мере подтвердилась полвека тому назад в нашей общей великой победе во Второй мировой войне, сочеталась у него с утопическими построениями. Поэт разделял панславистскую абстракцию Цареграда как будущего славянского центра, но вместе с тем он дальновидно указывал на русско-польские отношения как на ключ к общеславянскому согласию. В поэтической форме стихотворного наброска или медитативного высказывания он писал:

Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится, -
Как с Русью Польша помирится. (164)

Поэт искал взаимоприемлемую основу для необходимого общеславянского строя, утопически указывая на древний Киев и полупоэтический Цареград, но он принципиально отвергал какую бы то ни было произвольную основу, в том числе одностороннюю русскую, говоря о том, что этот мир осуществится „не в Петербурге, не в Москве”.

Непреднамеренно образовавшийся цикл славянских посланий

Тютчева отличается высокой стилевой и жанровой цельностью, вместе с тем в нем прослеживается принципиальное движение философско-исторической мысли от первого стихотворения к последнему, которые внутренне антитезны. Так, стихотворение *Как дочь родную на закланье* оказалось в своей концепции наиболее противоречивым. Профессор Б. Бялокозович справедливо пишет: „Патриотическая патетика взаимодействует здесь с идеалами освободительными и прогрессивными”.⁴ Здесь жанровая конструкция в проповеднически-дидактической заданности и совмещением мифологической поэтики и мусульманской религиозно-государственной образности имела попытку оправдать высокой общегосударственной и общеславянской целью средства военного насилия. Но произведение вышло за пределы этой явно бесперспективной задачи и его спасительный катарсис был обеспечен заключительными строками. Профессор Б. Бялокозович пишет: „В конце стихотворения Тютчев признается, что верит, что в Польше и России наступит мир и братское примирение народов”.⁵ Причем заключительная мысль поэта о „нашей общей свободе”, которая возродится, как птица Феникс, совпадает с лозунгом Иоахима Лелевеля „За нашу и вашу свободу!”, который был провозглашен в том же 1831 году.

Есть основание полагать, что внутренне несовместимый смысл этого стихотворения в целях свободы и средствах насилия осознавал сам поэт, во всяком случае он не стал его публиковать, единственное из всего цикла, оставив его лишь как „стихотворение для себя”.⁶

Последнее стихотворение цикла *Два единства* было написано за три года до смерти и как таковое в своей проповеднической и пророческой жанровой структуре приобрело характер лирико-политического завещания, и показательно, что оно скрыто полемизирует с идеей стихотворения *Как дочь родную на закланье*, поскольку объединительная политика „железом и кровью”, проводимая тогда германским канцлером, в принципе не отличалась от царской по-

⁴ B. Białokozowicz, *Powstanie listopadowe w literaturze rosyjskiej*, [в:] *Dziełctwo powstania listopadowego w literaturach obcych*, Warszawa 1986, с. 17.

⁵ Там же.

⁶ Стихотворение было опубликовано в 1879 г., через шесть лет после смерти поэта.

литики „цены кровавой”. Но здесь эта политика представляется проявлением господнего гнева, поразившего Запад. Апокалиптическим предупреждением и пророчеством, стилистически возвышающимся до массового агитационного призыва-лозунга, обращенного к славянским народам, звучит первая строфа стихотворения:

Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! -
Славянский мир, сомкнись тесней. (255)

В качестве надежной альтернативы насильственной политике, в результате которой „кровь русская лилась рекой”, поэт выдвигает гуманистическую христианскую парадигму общеславянского единения. Он пишет о единстве, основанном на любви, вынося эту мысль в заключительные строки, тем самым усиливая ее пафос как основы нашего нового исторического существования и полемически заостряя ее в отношении современной политики Запада:

Но мы попробуем спясть его любовью, -
А там увидим, что прочней. (255)

В своих лирико-политических проповедях-речах, в своих провидческих и пророческих посланиях Тютчев создал ряд высоко экспрессивных слов-синонимов прямого значения, а также перифрастических оборотов, выражающих общеславянскую идею. Их насчитывается четырнадцать. Вот они: славянская земля, славянщина, славянство, славянская семья, славянская среда, мир славянский, славянское самосознание, народ единый, род единокровный, единой матери сыны, братья родные, опально-мировое племя, славянская мировая громада, и в последней дополнительной строфе послания *К Ганке* Тютчев обозначил ключевой образ-термин, выделив его курсивом и заглавной буквой, как утверждение героики и подвижничества в деле славянского Возрождения:

За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник *В с л а в я н с т в а*
Приношеньем будь тебе! (321)